

У каждого театра свое лицо. У московского ЛЕНКОМА, отметившего 17 сентября свое семидесятилетие, оно вопреки возрасту — молодое, дерзкое, всегда привлекательное. Так было во времена и ТРАМА, и Берсенева, и Эфроса, и особенно проявилось в последние двадцать четыре года, когда им стал руководить Марк Захаров, сформировавший одну из лучших трупп в Москве.

Мы встретились с его "первой актрисой" Инной Чуриковой у нее дома. На стене — картина Юрия Шушкова, написанная в пору, когда Инна Михайловна уже сыграла Пашу Строганову в фильме "Начало" Глеба Панфилова и Офелию в театральной постановке Андрея Тарковского. Живописец поразительно угадал трепетную душу актрисы. Он изобразил ее тонкой как тростинка, сидящей на траве в длинном платье цвета молодой зелени, и в то же время будто парящей в воздухе с руками, поднятыми для молитвы. А в поднебесье — дивная радуга, обрамляющая пространство, в котором творит и живет Актриса.

— Как вы пришли в Ленком, Инна Михайловна?

— Я тогда нигде не работала. Ушла из ТЮЗа, где отыграла три года после Щепкинского училища. Уже снялась у Глеба в фильме "В огне брода нет". А жили мы в скромной однокомнатной "хрущевской" квартирке с сидячей ванной. У нас был один диван, чемоданы вместо стульев, маленький столик на тонких ножках. За этим столом Глеб написал сценарии фильмов "Начало", "Прошу слова"...

И вот однажды раздался звонок. На пороге — двое красивых мужчин. Один — Марк Анатольевич Захаров, другой — директор Ленкома Рафик Гарегиневич Экимян. Они разыскивали меня, чтобы предложить работу в новом спектакле "Тиль" по Шарлю де Костеру в пьесе Григория Горина. Я разволновалась... Мы с Глебом долго обсуждали, и я решилась.

— Прежде бывали в Ленкоме?

— Да, я смотрела все спектакли Анатолия Васильевича Эфроса, восхищалась его работами.

— А "Доходное место" Захарова в Театре Сатиры?

— К сожалению, не успела: спектакль закрыли. Но о Марке Анатольевиче в Москве уже шла молва.

— Были знакомы?

— На одном приеме нас познакомила Татьяна Ивановна Пельцер, а я была в нее просто влюблена. Мы снимались вместе в картине "Морозко". И вдруг она говорит: "Ребята, пойдете к нам в гости". И мы с Глебом, Марк Анатольевич, Саша Ширвиндт с кем-то еще пришли к Татьяне Ивановне домой. Помню, как она пригостила вкуснейшие отбивные, накрыла красиво стол, и мы весь вечер смеялись, нам было весело. Правда, Марк Анатольевич вскоре ушел, так как спешил к своей маленькой Сашеньке...

— Инна Михайловна, как тут не сказать, что рука providения ведет вас по жизни? Глеб Анатольевич увидел вас по телевидению и разыскал в многолюдной артистической Москве. Марк Анатольевич угадал в вас сценический талант и позвал в свою труппу.

— По поводу providения... Не знаю... Я потихоньку, плавно входила в труппу театра. Дело это сложное, надо приглядеться ко всему и ко всем. Поначалу с нами репетировал Юрий Аркадьевич Махаев. Потом пришел Захаров. В голове у него спектакль был уже сделан, он точно знал, чего хочет. Поначалу Марк Анатольевич перемещал меня по сцене, я же внутренне сопротивлялась. Мне казалось, что у Неле должна быть особая пластика. Это Тиль Николая Караченцова — бунтарь и романтик, он весь в движении, в экспрессии. Марк Анатольевич почувствовал мое сопротивление и перестал меня передвигать, за что я ему очень благодарна. И еще я ходила почему-то на носочках...

В тот период была увлечена средневековым, Жанной д'Арк. Я заметила, что на средневековых миниатюрах женщины держат руки под грудью, будто на животе. Они словно говорят любимому мужчине: посмотри на меня, я могу быть матерью, рожу тебе замечательных

детей. Именно это мужчины ценили тогда в женщине.

— И вскоре сами родили Глебу Анатольевичу чудного Ванечку, в котором, как знаю, души не чае. Сколько ему лет?

— Девятнадцать.

— После Неле вы сыграли Сарру в "Иванове" и всех потрясли.

— Я любила эту роль. Очень... Помню, как Захаров неожиданно решил сцену семейной ссоры, когда два любящих человека убивают друг друга словом, унижают, оскорбляют. А никто не может так боль-

ла встретиться в кинокомедии "Тридцать три", где я его даже соблазнила, очаровывала, целовала.

— Позвольте поздравить вас с премией имени Евгения Леонова, которой только что наградили родной театр.

— Спасибо. Это очень почетная наша внутритеатральная награда за спектакль "Варвар и еретики". Премии удостоен и Александр Абдулов, блистательно играющий Алексея Ивановича.

— За свою Антониду Васильевну вы получили уже вторую Хрустальную Турандот. Первую вам присудили в прошлом году за Аркадину в захаровской "Чайке". А по рейтингу одной из газет Москвы вы названы лучшей актрисой минувшего сезона. Поздравляю.

— Еще раз спасибо... Но у меня есть опасение услышать: "Ну вот наполучала награды и сиди". А актер только тогда живет, когда работает. Признаться, я не сразу согласилась играть Антониду Василь-

— Когда Саша Абдулов пригласил меня на открытие, я нашла решение своего выступления именно в словах этой молитвы, которой хорошо начинать утро каждого дня. И сказала, что знаю, какой фильм получит главный приз. Тот, после которого хочется жить, надеяться, верить, любить, терпеть и прощать.

— И вы оказались правы. Это именно то, что необходимо не только кинематографу, но и всем нам в этой жизни... И вот еще о чем хочется вас спросить. В два с половиной часа сценического времени режиссер спрессовал в "Варваре и еретике" жизни всех героев "Игрока" Достоевского. Возникает мысль о быстротекущести и наших собственных судьбах. Не кажется ли вам, что и ваша жизнь в театре как будто только вчера началась, а так много в ней уже воплотилось?

— Еще совсем недавно Марк Анатольевич спешил домой к маленькой своей дочке, а сегодня

— Случается. Особенно когда бываем на гастролях. Посиживаем у кого-нибудь в купе, когда едем в поезде. Но... Поехали мы с "Варваром и еретиком" на гастроли в Петербург. Случайно увидели, как Марк Анатольевич сидел в купе один, расстроенный. Заволновались: что же случилось? Оказалось, переживал, что плохо сыграли спектакль. Меня Захаров этим совершенно поразил: ни у кого из нас не было такого ощущения... Мы невольно подглядели, как он страдает.

— У Марка Анатольевича еще и удивительно постоянная самоирония.

— Да, он очень ироничен. Мы любим эту его манеру. Но иногда мне кажется, что его ирония — способ дистанцироваться ото всех. Он как бы отгораживается ею, не подпускает к себе. Правда, сама я об этом только как бы догадываюсь...

— Инна Михайловна, пять лет

АНГЕЛ СО МНОЙ РЯДОМ

Фото из личного архива актрисы.

ИННА ЧУРИКОВА:

но ранить, как самый близкий человек.

Любимый муж, а его играл Евгений Павлович Леонов, кричал Сарре в ослеплении: "Жидовка! Ты скоро умрешь!" В тот момент моя Сарра вместо того, чтобы обидеться, жалела Иванова, испытывала чудовищную вину, что довела его до такого состояния. Я медленно и долго шла к нему, чтобы хоть как-то утешить. У Евгения Павловича было мученическое, искаженное страданиями лицо. В зале стояла мертвая тишина.

— Инна Михайловна, вы как-то сказали мне, что ангел вдохновения прилетает не так часто. Когда работали над Саррой, он прилетал?

— Мне кажется, что ангел со мной, рядом, и охраняет меня. Во всяком случае, мне так хочется верить. Правда, тогда мне снились страшные сны. Вот я сижу в зале, и вдруг пол опрокидывается и вместо кресел поднимаются кресты...

— Что же это за сила такая у актера? Он не только свои душевные муки переживает, но еще и разных персонажей. И не только на сцене, но и дома. Как разряжаетесь после этого?

— С Колей Караченцовым мы играем "Сорри" по пьесе Александра Галина в постановке Глеба Панфилова. Вдвоем на сцене весь спектакль. А он трудный, напряженный, радостный и сладостный. Когда приходишь домой, то сразу лечь спать и заснуть просто невозможно. Непременно надо с кем-то поговорить или чем-то заняться. После этого спектакля мне нужен день отдыха. Коле точно так же.

— Театр соединил вас с удивительными партнерами.

— Это верно. А вот с Евгением Павловичем Леоновым мы снача-

евну. Но Захаров — очень сильный человек и мощно воздействует на людей. Уговорил меня. Я долго не могла понять эту женщину. Работа была трудной, напряженной.

— Для меня всегда остается загадкой, как вы внутренне преобразуетесь. Вот вышли на сцену в ином парике, ином платье — и стопроцентная бабуленька, греховная, азартная, властная.

— Это все Марк Анатольевич. Я только слушала его да читала "Игрока" Достоевского. Режиссеру хотелось, чтобы у меня было внутреннее состояние покоя, уверенности и в то же время непредсказуемости. Моя героиня живет вкусно, с большим удовольствием. У Антониды Васильевны деньги, привычка к послушанию, она не терпит, если кто идет против ее воли. Марк Анатольевич так выстроил характеры других персонажей, что все они трепещут от одного ее взгляда. Все мои родные партнеры играют мою Антониду Васильевну. Мне ничего не остается, как быть на сцене генеральшей.

Марк Анатольевич родился с юмором. Вернее, сначала родился юмор, а потом уже и он сам. И в экстремальной ситуации он ищет юмор, учит и нас этому.

— Вы всегда говорите, что в каждой роли есть что-то и про вас. Что в вас от Антониды Васильевны?

— Наверное, способность преодолевать критическую ситуацию — и снова жить.

— В спектакле ваша бабуленька произносит молитву оптинских старцев. Там есть слова, которыми вы, Инна Михайловна, приветствовали нынешним летом открытие Московского международного кинофестиваля. Не припомните ли их?

Александра Захарова — одна из прекрасных актрис Ленкома. Ее первая работа — в "Гамлете". Легкая, как пушинка, Офелия, нежная и любящая... И я сама все была Инной, Инной, потом вдруг стала Инной Михайловной. Хотя внутри себя, конечно, по-прежнему Инна.

— Ваша женственность особенно ощутима в захаровских спектаклях. Скажем, в Комиссаре из "Оптимистической трагедии". Кто придумал такое нетрадиционное решение образа?

— Конечно же, Марк Анатольевич. Комиссар, как он видел эту героиню, — вся из книг, живет романтикой революции, идеями справедливости и благородства. Она достаточно самоуверенна. Ее потянуло на корабль, где так много мужчин. Но природа сильнее любых книг. Захаров увидел ее в белом костюмчике, шляпке, с зонтиком. Однако, когда к ней стали приставать, она, не задумываясь, выхватила пистолет и убила человека. И потом прозвучал этот нелепый вопрос на уровне анекдота: "Кто еще хочет комиссарова тела?" Мне казалось, что в конце она все же должна была надеть кожаную куртку, но Захаров этого не сделал.

— И вашу Аркадину он решил гротескно, на сломе жанров.

— Мне кажется, и Чехов ее такой видел. Прошлое всегда видится нам более благородным. А тогда жили такие же живые, любящие, страдающие, нелепые, смешные и не всегда умные люди, как и мы.

— Марк Анатольевич показывает актерам, как играть, или полагается на их интуицию?

— Он очень ярко и образно рассказывает о каждом персонаже, но обычно не показывает, как его играть. Больше говорит о жизни. Все, что знает, чему научился, чем овладел, все свои секреты и тайны — все отдает. Хотя в сегодняшнем мире люди живут по-другому.

— Наверное, именно поэтому Марк Анатольевич и смог вырастить такую талантлиую труппу актеров...

— Несомненно. Он кропотливо трудится не только с исполнителями главных ролей, но и с теми, у кого всего два слова в спектакле. А какие замечательные работы сделал он с молодыми актерами — Александром Лазаревым и Амалией Мордвиновой в "Королевских играх", с Сашей Захаровой и Димой Певцовым в "Чайке"!

— Помню, как-то я была в вашей гримерной, когда перед третьим звонком к вам зашел Марк Анатольевич и сказал только одно слово: "Вдохновения!" Какие у вас отношения с Марком Анатольевичем? Дружите домами?

— Он всегда держит дистанцию, при том, что относится ко всем уважительно. В гости друг к другу не ходим. И тем не менее именно Марк Анатольевич дважды представил ленкомовскую сцену Глебу Панфилову — для постановки "Гамлета" и "Сорри".

— Собираетесь за общим столом?

тому назад вы говорили, что театр для вас — своего рода эмиграция от тяжелой жизни. А что сегодня?

— Конечно, это мой второй родной дом. В какой-то степени театр — мой тыл. В кино актер сегодня никому не нужен. Правда, и в Ленкоме у меня бывали моменты, когда я чувствовала, что не нужна ему. Захаров, бывает, так увлекается текущей работой, что забывает о тех, кто не занят в ней.

— Меня всегда поражало: у актера кошки скребут на сердце, а он на сцене смеется и публику еще веселит. Что это за профессия такая?

— Грешная, наверное.

— Кто-то говорит, что она от Бога, кто-то — от дьявола.

— Лично я всегда молюсь Богу перед спектаклем, чтобы он мне помог.

— Но ведь это от лукавого — влезать в чужую душу, говорить словами одного человека, действовать по воле другого, не так ли?

— Все дело в итоге. Если людям хочется после спектакля жить — значит, это от Бога, если убивать друг друга — значит, от дьявола.

— Что больше всего цените в партнерах?

— Момент импровизации. Когда актер на сцене вдруг начинает существовать по-иному, я тотчас отрываюсь на его душевные движения. Так у нас бывает с Колей Караченцовым в "Сорри". Моя жизнь — в его руках, а его — в моих. Так и с Олегом Янковским в "Чайке", где он остро и талантливо играет Тригорию. В этой постановке есть сцены, когда мы сидим вместе и вдруг слышим, как меняется, например, интонация у Леонида Сергеевича Броневого, доктора Дорна. Нас она сразу будоражит, волнует кровь, и что-то меняется в атмосфере спектакля.

Леонид Сергеевич вообще обладает удивительным талантом — он общается со зрителями напряженно, связан с ними невидимой нитью. Любую его реплику зал встречает с восторгом, хотя у него нет желания просто насмешить. У Броневого, как это было и у Пельцера, нет никакого высокомерия по отношению к маленьким ролям. В "Варваре и еретике" он так играет Потапыча — верного слугу бабуленьки, — что мне можно больше ничего и не делать.

Трепетное отношение к роли у каждого нашего актера. Надо было видеть, как сидели по очереди на репетициях Олег Янковский и Армен Джигарханян, играющие в том же спектакле Генерала. Как ученики. И это состояние, наверное, самое замечательное у актера. Оно дает надежду на будущее.

Впрочем, главный режиссер у всех у нас — жизнь. У нее мы учимся. Она держит нас в форме.

Беседу вел
Лидия НОВИКОВА.

Чурикова Инна